

НАСТРОЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Л. А. Болокина *

Статья посвящена изучению общественных настроений жителей Калининской области в 1941 – начале 1942 гг. Выявляется присутствие патриотических и критических по отношению к советской власти настроений. Анализируются факторы, влиявшие на изменения настроений в различных социальных группах. Показана эволюция настроений населения.

Ключевые слова: война, колхозы, коммунисты, общественные настроения, оккупация, советская власть, слухи, эвакуация

Поворот в политическом курсе СССР в середине 1980-х гг. положил начало новому этапу изучения Великой Отечественной войны. Перемены подтолкнули учёных к рассмотрению подлинного многообразия настроений советских граждан в военный период. Совершенно естественные для военного времени проявления патриотизма широко представлены в исследовательской литературе. Однако они не исчерпывали весь спектр эмоций, который характерен для военных лет. Страх и коллаборационизм, смятение и отчаяние, паника и т. п. – явление обычное для любой войны, но тем не менее мало изученное. Однако без учёта этой стороны военного быта невозможно адекватно оценить даже победу советского народа.

Предпринятые в последнее время исследования помогают преодолеть явную односторонность в освещении указанной темы. Следует выделить работы Н.Д. Козлова, в которых показаны процессы, происходившие в массовом сознании советского общества в годы войны, и представлен широкий перечень факторов, определявших отношение людей к происходившему и их поведение¹. Среди них – резкое ухудшение условий труда и быта, разрушения и гибель близких, социальные, национальные, возрастные особенности, ход военных действий. Нетрадиционные подходы и оценки к обозначенной проблеме содержат труды Б.В. Соколова. Автор выявляет степень влияния на население советской и немецкой пропаганды, отношение жителей к представителям власти, партизанам, оккупантам². Историк В.Ф. Зима попытался оценить роль менталитета в подвиге российских комбатан-

* Любовь Александровна БОЛОКИНА – соискатель кафедры отечественной истории ТвГУ. Рецензент статьи: д-р ист. наук, проф. Т.Г. ЛЕОНТЬЕВА (ТвГУ).

¹ Козлов Н.Д. Морально-политический фактор Великой Победы. Л., 1985; *Он же*. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995.

² Соколов Б.В. Цена Победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991; *Он же*. Тайны Второй мировой войны. М., 2002; *Он же*. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002.

тов и тружеников тыла³. Вопросы, связанные с психологией человека в условиях войны, активно разрабатывает Е.С. Сениявская⁴. Знакомство с её работами позволяет понять способы распространения коллективных настроений, значение официальной пропаганды, а также мифов и символов в военное время. Касаясь вопроса об эволюции настроений в годы войны, автор выделяет основные этапы их изменений.

Успешному изучению проблемы способствуют публикации неизвестных до последнего времени документов, в том числе и воспоминаний, освещающих скрытые ранее стороны жизни различных групп населения в военный период⁵.

Примечательно, что тема настроений активно изучается и на региональном уровне. Так, В.И. Ирлицын, признавая наличие негативных настроений среди калининцев в начале войны, объясняет их появление объективными условиями военной ситуации⁶. В работах И.Г. Ермолова в ходе анализа различных форм коллаборационизма на территории СССР, в том числе на территории Калининской области, затрагивается вопрос о настроениях населения оккупированных районов. В частности, рассматривается отношение советских граждан к оккупационной политике немцев и мотивы их сотрудничества с оккупантами, в числе которых – враждебное отношение к советской власти из-за репрессий, политики раскулачивания, и другие⁷. Как и на общероссийском уровне, в регионах к 60-летию Победы были выпущены сборники документов и воспоминаний, материалы которых раскрывают атмосферу тех лет, показывают быт людей, их настроения и перипетии отдельных судеб⁸.

Таким образом, в отечественной исторической науке настроения военных лет оказались изучены весьма неравномерно. Введение в научный оборот новых архивных, мемуарных источников, а, следовательно, и неизвестных ранее фактов, позволяет прояснить некоторые спорные вопросы.

В данной статье представлены результаты изучения настроений, характерных для населения Калининской области в начале Великой Отечественной войны.

В тот период Калининская область причислялась к пограничным регионам. Слухи о возможности нападения Германии на СССР стали распространяться здесь задолго до начала военных действий. Как следует из воспоминаний, отдельные

³ Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М., 2000.

⁴ Сениявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; *Она же*. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145.

⁵ Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы / Сост. К.И. Буков, М.М. Горинов, Н.М. Пономарёв. М., 1995; 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л.Е. Решин и др.; Под ред. В.П. Наумова. М., 1998; Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2003 и др.

⁶ Ирлицын В.И. Деятельность органов НКВД в годы Великой Отечественной войны, июль 1941 – ноябрь 1942 гг. (на материалах Калининской области): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тверь, 1998. С. 51, 52.

⁷ Ермолов И.Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на территориях СССР в 1941–1944 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тверь, 2005; *Она же*. Коллаборационизм в сфере управления на оккупированных территориях СССР // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008. Вып. 2.

⁸ Нам выпало на долю... Война в письмах, дневниках, воспоминаниях: Сб. док. и матер. / Гл. ред. Д.А. Ефремов. Тверь, 2005; Социальные аспекты изучения Великой Отечественной войны: Сб. ст. и воспом. очевидцев Великой Отечественной войны. Тверь, 2005 и др.

семьи готовились к подобному развитию событий и делали запасы соли, зерна и других продуктов⁹. Но всё же известие о германской агрессии оказалось «неожиданным, как гром на голову»¹⁰. Большинство жителей области испытали настоящее потрясение. Будучи не в состоянии пережить новость в одиночку или вместе с близкими, они собирались на улицах, возле радиоточек. Незнакомые прохожие нередко останавливали друг друга и делились своими соображениями о случившемся. Вспоминали заключённый с Германией в 1939 г. договор, а также заявление ТАСС от 14 июня 1941 г. Тогда слухи о возможной войне между СССР и Германией назывались беспочвенными и провокационными. Жители деревень стекались к правлениям колхозов, стояли группами возле домов. Всех волновал вопрос: что теперь будет?

Во многих городах и посёлках области после выступления народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова в полдень 22 июня прошли митинги, где отчетливо проявились настроения людей. С 22 по 26 июня 1941 г. только в Кашинском районе состоялось 245 митингов, в которых участвовало примерно 9400 человек¹¹. Звучали высказывания патриотического характера: «... будем трудиться изо всех сил, воевать, врага разобьём». Возмущение коварством агрессора и готовность как можно быстрее сделать что-то для победы своей страны – подобные чувства преобладали у населения в первые военные дни.

Эти чувства выражали представители разных социальных групп, но особенно явно желание действовать, не теряя ни одного дня, проявилось у молодёжи. Молодое поколение советских людей было воспитано в готовности к подвигу в прямом смысле этого слова. Война воспринималась многими из них не только как трагедия, но и как испытание, возможность проявить себя, доказать преданность Родине; красивое время, полное героизма, мужества, когда «подвиги совершаются на каждом шагу», а всё личное должно быть «отброшено назад, оно не так важно, как то, чем живет Родина»¹². Старшеклассница из г. Кашина Ина Константинова (ей было 16 лет) после речи Молотова записала в своём дневнике: «Страна в опасности [...] страна мобилизует силы. Неужели я останусь спокойно на своем месте? Нет! Нужно быть полезной Родине. Помогать ей в трудный момент всем, чем можем. Победа должна быть нашей!»¹³

Буквально в первые часы, едва узнав о случившемся, люди заговорили о сроках и исходе войны. Выдвигались противоречивые версии – от безоговорочной победы советской армии до успеха немецких войск. Более осторожными в прогнозах оказывались умудрённые жизненным опытом старики. Так, в д. Малое Сидорово Калязинского района собравшиеся возле одного из домов односельчане обсуждали события и возможное их развитие. Присутствовавший при этом 44-летний колхозный кладовщик сказал, что СССР будет трудно бороться с Германией и победа будет за ней. На возражения других участников разговора – мол, мы же не сдадимся, он добавил следующее: «... придётся сдаться, так как воевать бу-

⁹ Из личного архива автора. Воспоминания Н.А. Курчавой. С. 7, 8; Социальные аспекты изучения Великой Отечественной войны... С. 204.

¹⁰ Социальные аспекты изучения Великой Отечественной войны... С. 73.

¹¹ Тверской центр документации новой и новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 423. Оп. 1. Д. 268. Л. 73.

¹² Девушка из Кашина: Дневник и письма Ины Константиновой. Воспоминания и очерки о ней / Сост. Г. Астафьев. М., 1974. С. 55.

¹³ Там же. С. 50.

дем не с одной Германией, а с несколькими странами¹⁴. Скорее всего, подобное заявление являлось свидетельством наличия у части советских граждан низкой оценки военного потенциала СССР и отсутствия надежды приобрести сильных и надёжных союзников в ближайшем будущем. Такие настроения могут удивлять в виду того, что накануне войны проводилась масштабная пропаганда военной мощи советского государства.

В самом начале войны у подавляющей части населения СССР не было адекватного представления о длительности боевых действий, и велись разговоры о близкой победе. Военнослужащие, находившиеся вблизи западной границы, в первый день войны считали, что «их помощь, скорее всего, и не понадобится. День, другой и враг откатится назад под напором стали и огня нашей доблестной Красной Армии»¹⁵. Некоторые писали домой о том, что война продлится не более 3-х месяцев¹⁶. Можно предположить, что близкие доверяли их мнению. Уходившие на фронт колхозники наказывали остававшимся вовремя собрать урожай, не дать пропасть, рассчитывая, что уходят ненадолго¹⁷. Интересно, что примерно так прогнозировали продолжительность войны и те, кто обладал более полной информацией о состоянии советской армии, готовности СССР к отражению агрессии, и обычные граждане¹⁸.

Анализ документов показывает, что молодёжи были более свойственны эмоциональные колебания, переходы от уверенности в скором поражении противника к отчаянию, прозвучавшему в словах «и конца не видно проклятой войне!»¹⁹. Представители старшего возраста чаще проявляли сдержанность и осмотрительность в оценках. От них же слышались сомнения в правдивости официальных сведений, например, относительно реального количества людских и материальных потерь советской армии²⁰. Но и они в большинстве соглашались с тем, что победа будет за СССР.

Представляется, что вопрос об окончании войны был самым частым на любых собраниях, лекциях, встречах и беседах на протяжении 1941–1944 гг., но в первые месяцы после вторжения Германии он обсуждался особенно активно²¹. Усиленно пропагандировавшаяся в конце 1930-х гг. идея возможной войны «малой кровью и на чужой территории», которую на первый взгляд подтверждали результаты столкновений с Японией и Финляндией, теперь уже мешала правильно оценить происходившее и самостоятельно сориентироваться в ситуации.

Надежда, что война продлится недолго, сохранялась в июле и августе 1941 г., хотя германские войска в это время уже заняли часть западных районов Калининской области. Так, жители Андреополя, строившие в июле 1941 г. оборонительные сооружения, полагали, что уходить из посёлка им всё же не придётся²². Предчув-

¹⁴ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 26781-с. Л. 12, 13 об., 19, 20.

¹⁵ Баюшкин В.М. Возвратились мы не все... Тверь, 1998. С. 52.

¹⁶ Социальные аспекты изучения Великой Отечественной войны... С. 210.

¹⁷ Кашикова В.Ф. Голоса из тревожного детства: Прифронтовой Торжок. Тверь, 2003. С. 152.

¹⁸ Из воспоминаний управляющего делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаева // Отечественная история. 2005. №2. С. 14; Сапожников М.И. Дороги жизни. Тверь, 2007. С. 41.

¹⁹ Девушка из Кашина... С. 51, 52, 57.

²⁰ ТЦДНИ. Ф. 250. Оп. 2. Д. 69. Л. 12.

²¹ Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 69. Л. 1; Тяпина К.И. На той войне... Записки партизанской разведчицы. Тверь, 1997. С. 129.

²² Шла война народная...: Очерки, воспоминания, повествующие о мужестве и стойкости калининских партизан в годы Великой Отечественной войны. Тверь, 2000. С. 27.

ствуя необходимость в ближайшее время покинуть родные дома, жители г. Торжка надеялись, что это будет ненадолго²³. Уроженка Калинина Е. Виноградова вспоминает, как выехала на учёбу в Москву в конце лета 1941 г. Город бомбили, но никто не думал, что через несколько недель будут эвакуировать заводы, институты, и девушку удивил звонок матери из Калинина, просившей срочно приехать забрать тёплые вещи, так как семья эвакуировалась в Чувашию²⁴.

Постепенно происходило осмысление случившегося. Главным фактором, воздействовавшим на настроения и отношение жителей к событиям в начале войны, было быстрое наступление немцев. Все пристально следили за ходом боёв. По воспоминаниям очевидцев, «в худшее долго не верилось», но каждый день приходили известия о новых населённых пунктах, взятых врагом²⁵. Чем больше названий захваченных городов звучало в радиоэфире, тем яснее было осознание, «какое ужасное бедствие захватило страну», что «положение для Родины более чем серьёзное»²⁶.

Первыми глубину трагедии начинали понимать люди, находившиеся на фронте или в непосредственной близости от него. Они же приходили к выводу о том, что предстоит долгая изнурительная борьба. На территории западных районов Калининской области боевые действия велись уже в начале июля 1941 г., а часть населения оказалась в оккупации, но, несмотря на это, к калининцам реальное понимание произошедшего пришло далеко не сразу. Житель области Л. Андреев, которому в то время было 17 лет, вспоминает, что после первых недель войны «чувство тревоги как будто отступило: война грохотала где-то далеко», напоминала о себе прежде всего сводками по радио, и «только бои у Ржева заставили встрепетнуться»²⁷. Сначала люди даже не пригибались при свисте снаряда²⁸. Более того, налеты немецкой авиации вызывали «некоторое любопытство», и после бомбёжек мальчишки собирали ещё тёплые острые осколки²⁹.

Раньше или позднее ощущение непосредственной опасности приходило к каждому. В памяти переживших события тех лет нередко оставалась конкретная дата: «На второй день уже стало страшно, когда пришло сообщение о боях и о том, что враг уже не на границе, а стремительно идёт вперёд»³⁰. В.М. Баюшкин, ставший бойцом разведывательно-диверсионной группы, отмечает в воспоминаниях 10 октября 1941 г. В этот день шли бомбёжки Калинина, других поселков, станций. Люди своими глазами увидели гибель близких, соседей, знакомых, разрушенные здания, улицы и «почувствовали, что настоящая война совсем рядом»³¹. На 13 октября указывает жительница Торжка Ю. Дьячкова, бывшая в то время подростком. Она описывает, как горожане, вернувшись в Торжок после сильной

²³ *Кашкова В.Ф.* Указ. соч. С. 25.

²⁴ Нам выпало на долю... С. 136.

²⁵ *Баюшкин В.М.* Указ. соч. С. 6.

²⁶ Девушка из Кашина. С. 51, 57.

²⁷ *Кашкова В.Ф.* Указ. соч. С. 144, 147.

²⁸ *Журавский Л.С.* Воспоминания хирурга медсанбата о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Тверь, 2000. С. 14.

²⁹ *Кашкова В.Ф.* Указ. соч. С. 28, 188.

³⁰ Социальные аспекты изучения Великой Отечественной войны... С. 190.

³¹ *Баюшкин В.М.* Указ. соч. С. 6.

бомбёжки, ужаснулись от вида убитых соседей и разрушений: «... это была первая встреча с войной, лицом к лицу»³².

Осознание трагедии войны могло быть связано также с известием о смерти родных, волнующими, иногда со страшными подробностями, рассказами очевидцев – беженцев, раненых, знакомых. Переживания часто вели к пересмотру ценностей, заставляя более остро чувствовать, что является самым важным в жизни. Многие говорили или писали друг другу, что не так страшно потерять имущество – не стоит об этом сильно расстраиваться, ведь потом наживётся новое – действительно непоправимым горем станет утрата близких людей³³.

Некоторые женщины и девочки-подростки в полной мере прочувствовали ужас войны, когда пошли работать в госпитали, которые устраивались повсеместно. Увидев раненых, искалеченных и умиравших солдат, вдохнув тяжелый запах гноя, они «впервые узнали, какие беды несёт нам, всему нашему народу, эта проклятая война»³⁴. Жительница Рамешковского района Р.В. Овсянникова вспоминала, как к госпиталю подъезжали грузовики, в которых раненые лежали вперемешку с мертвыми, а с кузовов капала и ручейками стекала кровь: «Привезут, разве разберёшь, что в крови там все, кишмиш...»³⁵. Как и бойцы, что были на передовой, эти женщины и подростки ежедневно наблюдали смерть, что превращалось в настоящее испытание: «... кровавые бинты, землистый цвет лица, потухшие, отрешённые взгляды – всё это было страшно, не вязалось с героическими песнями и бодрыми репортажами по радио, с оптимистическими очерками в газетах»³⁶.

Дневниковые записи И. Константиновой отражают состояние неопределённости, растерянности и неуверенности в завтрашнем дне, возникшее у калининцев летом и осенью 1941 г.³⁷ Людей беспокоила неизвестность, собственное неумение разобраться в ситуации и принять вовремя нужное решение, а также трудность осмысления происходивших событий. Многие не были готовы к неожиданно быстрому их развитию: «Так, ещё вчера казалось, что Калинин – это глубокий тыл... Так думалось вчера, а сегодня...»³⁸.

Некоторые калининцы, покидавшие свои жилища уже перед самым вступлением немцев в областной центр, «уходили [...] с уверенностью, что скоро вернёмся», но после сознавали – возвращение может затянуться³⁹. В воспоминаниях партизанки К.И. Тяпиной есть такие слова: «Но кто из нас тогда знал о том, что будет!»⁴⁰ Она употребила это выражение, описывая ситуацию октября 1941 г., когда сама вместе с родителями обсуждала, нужно ли уходить в тыл. Как видим, у людей не было ясного понимания сложившихся обстоятельств.

Жительница областного центра Н. Судакова описала в дневнике моральное состояние размещившихся в окрестных деревнях калининцев осенью 1941 г.: «... заняться здесь нечем, без дела мы не привыкли, будущее неопределённо, тоска

³² *Кашкова В.Ф.* Указ. соч. С. 178.

³³ *Наша Чайка: Сборник / Сост. А. Сидорова. М., 1976. С. 54, 56; Нам выпало на долю... С. 127, 133.*

³⁴ *Вспоминая былые походы... С. 108.*

³⁵ Из личного архива автора. Воспоминания Р.В. Овсянниковой. С. 2, 4.

³⁶ *Кашкова В.Ф.* Указ. соч. С. 146.

³⁷ *Девушка из Кашина... С. 52, 56, 57.*

³⁸ *Кац Г.* Первый шаг к Берлину. Тверь, 1997. С. 11.

³⁹ *Нам выпало на долю... С. 125.*

⁴⁰ *Тяпина К.И.* Указ. соч. С. 5.

[...] Живём, как во мраке, слушаем только, что говорят [...] Горько положение беженцев [...] ничего нет необходимого»⁴¹. Покинувшие Калинин жители жадно ловили любую информацию о происходящем в городе, строили предположения, обдумывали дальнейшие шаги, например, движение дальше на восток. Надежда на скорое освобождение города и беспокойство за свои квартиры удерживали людей на месте. Эвакуированные в другие области СССР также внимательно отслеживали данные о событиях в родных местах, обсуждая возможность вернуться домой, зачастую расценивая это как счастье⁴².

Начавшаяся война всколыхнула общество, давала множество поводов выразить свое несогласие с проводившимся в стране политическим и экономическим курсом, установившимися социальными отношениями. Перспектива смены власти заставляла размышлять и сопоставлять условия жизни в царской России и в советском государстве. Ещё в предвоенные годы коммунистов напрямую сравнивали с помещиками и капиталистами, угнетавшими народ до революции, расшифровывая название партии ВКП(б) как «второе крепостное право большевиков», задушившее непосильными налогами⁴³. Теперь внимание чаще сосредотачивалось на недостатках советского режима. С началом войны рассуждения об отсутствии в советском обществе социальной справедливости нередко сводились к мысли об особой ответственности представителей власти. Люди полагали, что получившие от режима жизненные блага и привилегии несут большую ответственность, и с руководителей спрос иной. 3 июля 1941 г. во время записи в добровольческую дружину 47-летний рабочий из пос. Калашниково Лихославльского района обратился к начальнику смены, чтобы тот показал пример остальным. Он заметил, что записываться в дружину должны те, кто получают больше, кто обязан своим положением советской власти и потому должен служить ей. Выступавший не причислял себя к этой группе, хоть происходил из семьи бедняков, от имени которых действовала власть. Припомнив царское время, он добавил: «... это старые ратники, которые носили крестики на фуражках, оне боролись за веру царя и отечество, а теперь за кого»⁴⁴. Так демонстрировалась пренебрежительность традиционным патриотическим и религиозным ценностям и пренебрежительное отношение к советским. На оборонных работах члены партии в ответ на свои замечания слышали от окружающих, что коммунисты должны «показывать пример в работе»⁴⁵. Отрицательное отношение к членам партии, недоверие к ним выявляла известная до войны народная трактовка ВКП(б) как «все коммунисты подлецы и ...»⁴⁶.

Вслух заговорили о колхозах. Изучение источников показывает, что у части населения в предвоенный период сложилось негативное отношение к коллективизации. Люди воспринимали этот процесс как очередную попытку власти решить свои проблемы за счёт крестьян, обобрать их, прикрываясь громкими фразами о преимуществах жизни в коллективных хозяйствах. Осенью 1939 г. колхозники Ржевского района, описывая условия собственной жизни, замечали явное несоответствие между официальными речами и действительностью: «Мы живём, но жизнь наша тусклая. У нас в лавках нет ничего, только поутру можно получить

⁴¹ Нам выпало на долю... С. 126, 127, 134.

⁴² Девушка из Кашина... С. 60.

⁴³ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 31206-с. Л. 26 об.

⁴⁴ Там же. Д. 26844-с. Л. 15, 18, 30 об.

⁴⁵ Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 601. Л. 159.

⁴⁶ Там же. Ф. 7849. Д. 31206-с. Л. 60.

одну буханку хлеба [...] в газетах пишут, что у нас в колхозах все хорошо, всего много, а на самом деле колхозник чуть с голоду не подыхает, а одежда на нем – кругом ветер ходит»⁴⁷. Аналогичная оценка политики коллективизации отражена в частушке, сложенной не позднее 1941 г.: «// Едет Сталин на пролётке, // А пролётка на боку // А куда ты, Сталин, едешь? // За коровой к бедняку»⁴⁸.

Подобное мнение сохранялось и в начале войны. Сельским жителям казалось, что «крестьянству жить гораздо хуже, крестьянин там (в колхозах. – Л. Б.) не может обеспечить себя хлебом [...] прежний капиталистический строй был гораздо лучше. Когда крестьяне работали в единоличных хозяйствах, то у них было всего вдоволь»⁴⁹.

Как правило, критика в адрес колхозных порядков звучала от людей среднего и пожилого возраста, выражавших недовольство бесхозяйственностью, низкой организацией труда и пренебрежительным отношением к общему имуществу в колхозах. Во время уборки сена в августе 1941 г. в Бежецком районе 64-летний колхозник, видя, как клевер мокнет под дождём, сказал: «Наступила жизнь в этих колхозах, что всё гниёт, всё портится и убирать не хочется»⁵⁰.

Возможное избавление от этой системы связывалось с победой Германии, которая восстановила бы капиталистический строй. В ноябре 1941 г. в Горицком районе разнёсся слух, что в деревнях будут забирать личных коров для Красной Армии, после чего в ряде сельсоветов возмущённые колхозники заявили, что раздelaются с председателями, как только придут немцы. Некоторые председатели стали отказываться от должностей и даже раздавать односельчанам колхозное имущество⁵¹. Слова «лучше бы победили немцы» нередко следовали после признания одинаково незавидным положения крестьян как в царской России, так и в СССР: «Я не хвалю, как жили раньше, но если были рабами, то рабами и остаёмся, налоги платим 50% заработка и ничего хорошего не видим»⁵².

Однако резкие оценки колхозных порядков не перерастали в какие-либо действия. Многие председатели – активные сторонники и проводники идеи коллективных хозяйств – ушли на фронт, их посты заняли случайные люди, но серьёзных протестов против колхозной системы не зафиксировано; также не обнаружено сведений о массовом ожидании отмены колхозов с приближением конца войны.

Обиды за потерянную во время коллективизации собственность гораздо чаще осмеливались высказывать вслух там, где Красная Армия отступала. Предчувствуя скорый приход немцев, некоторые рассчитывали вернуть изъятое в колхозы имущество и землю. 55-летний колхозник из Пеновского района, назначенный с 15 июля 1941 г. главой хозяйства, с приближением немцев в сентябре открыто упрекнул советскую власть, которая забрала у него в колхоз 40 десятин земли, тут же добавив, что скоро земля вернётся к нему⁵³. Позже он сотрудничал с оккупантами.

Процесс осмысления случившегося продолжался на протяжении всех военных лет и оказался очень болезненным. Получалось, что готовились к войне 20 лет, но

⁴⁷ ТЦДНИ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 103. Л. 45, 46, 49.

⁴⁸ Там же. Ф. 431. Оп. 1. Д. 604. Л. 46.

⁴⁹ Там же. Ф. 7849. Д. 26781-с. Л. 14, 15, 17.

⁵⁰ Там же. Д. 1373-с. Л. 12 об.

⁵¹ Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 79. Л. 17 об.

⁵² Там же. Л. 20 об.

⁵³ Там же. Ф. 7849. Д. 15004-с. Л. 12.

так и не подготовились⁵⁴. Ощущение вины у военнослужащих обострялось при встречах с жителями в момент отступления. Покидая город, некоторые калининцы спрашивали советских бойцов: «Как допустили, что немец-то аж куда допер? Сколько можно отступать?»⁵⁵ Одновременно проявляли и сочувствие, приносили раненым и солдатам хлеб, молоко, воду, помня о том, что собственные мужья и родные тоже где-то воюют. Население не теряло веру в советскую армию, надеялось, что «люди там воюют, и они победят»⁵⁶. Переживший войну Л. Андреев вспоминает, что вера в успех советских войск сохранялась, даже когда немцы оказались на подступах к Калинин⁵⁷.

Осознавая масштаб трагедии, многие, прежде всего люди среднего и старшего поколений, пытались разобраться в её объективных причинах. Главным инициатором войны признавался Гитлер. Сложнее было ответить на вопрос, кто виновен в потере огромных территорий СССР и гибели советских людей. Ударом для жителей восточных районов стал факт сдачи областной столицы.

Представители разных социальных групп возлагали ответственность за военные неудачи на руководителей страны. В вину коммунистам ставили заключение договора с Германией и неумелую организацию обороны в первые недели войны⁵⁸. При оккупации Калинина милиционер из г. Вышний Волочек выразился так: «... немецкие войска под самым носом заняли г. Калинин, на что только смотрят руководители партии и правительства»⁵⁹. Носителей власти упрекали в неудовлетворительной подготовке к войне, которая обнаружилась в ходе реальных сражений. Причины потерь виделись именно в недостаточной готовности к ведению военных действий, слабости советской армии, а также в неэффективном руководстве и бездействии. Заведующая коммунальным хозяйством в пос. Завидово в начале войны сказала по поводу отступления Красной Армии, что нужно было делать больше оружия, а не «давать сталинские премии за красивые ножки», имея ввиду недавнее премирование ряда артистов⁶⁰.

На лекциях и собраниях чаще всего у агитаторов спрашивали о том, почему отступают советские войска и почему у СССР меньше танков и самолетов, а также где и когда откроется второй фронт, очевидно, разуверившись в силе Красной Армии⁶¹. Судя по документам, непосредственно с именем высшего руководителя страны – И.В. Сталина – военные неудачи связывались достаточно редко, а вера в его организаторские способности и мужество существовала на протяжении всей войны. И всё же недовольство в адрес вождя тоже проявлялось, например, когда в первые военные дни поползли слухи о его отъезде из Кремля⁶².

С наступлением зимы 1941 г. мысли калининцев обратились даже к старинному союзнику российской армии – морозу. Когда враг подступил вплотную к Москве и вера в Красную Армию уменьшилась, люди полагали, что «теперь всё

⁵⁴ Лето 1941-го. Между Гомелем и Брянском (Записки младшего лейтенанта) // Отечественная история. 2005. № 2. С. 30.

⁵⁵ Кац Г. Указ. соч. С. 39.

⁵⁶ Из личного архива автора. Воспоминания Н.А. Курчавой. С. 9.

⁵⁷ Кашикова В.Ф. Указ. соч. С. 147.

⁵⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 16861-с. Л. 14 об., 21.

⁵⁹ Там же. Ф. 425. Оп. 1. Д. 125. Л. 101.

⁶⁰ Там же. Ф. 7849. Д. 27578-с. Л. 14.

⁶¹ Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 79. Л. 14.

⁶² Там же. Ф. 7849. Д. 19451-с. Л. 31 об., 34 об.

большая наша надежда на зиму – приморозила бы она гадов до одного...»⁶³ Считали, что тёплая погода скорее на руку немцам: «... как только будет тепло, то немцы пустят авиацию и нас разобьют», а советские войска весной, возможно, «опять отступят»⁶⁴. Парадоксальным образом некоторые также надеялись на весну, которая «должна освободить нас и от немцев, и от холода [...] все ждут скорой развязки, а между тем никак не кончится зима, все тормозящая»⁶⁵.

Совершенно очевидно, что к началу 1942 г., после известий об успехах советских войск под Москвой и освобождения Калинина, отчаяние, характерное для первых месяцев войны, сменилось надеждой. Даже в оккупированных районах из уст в уста передавались разговоры о том, что «фашистам крепко досталось под Москвой»⁶⁶. 17 декабря 1941 г. И. Константинова записала в дневнике: «Скоро, очевидно, услышим сводку Информбюро о том, что наши войска вступили в город Берлин. Вот будет праздник!»⁶⁷ Вместе с тем оставалось чувство неуверенности, и даже в освобождённом Калининe опасались возвращения немцев весной⁶⁸.

Советское контрнаступление под Москвой, освобождение ряда территорий, в том числе части Калининской области от врага в начале 1942 г. сформировали ощущение, что немецкие войска уже не смогут одерживать крупных побед. Многие калининцы рассчитывали на разгром противника в течение ближайших месяцев. Эти надежды подкрепил февральский призыв И.В. Сталина сделать 1942-й год победным. На различных собраниях обсуждалось, какие шаги нужно предпринять, чтобы приблизить победу. Так, присутствовавшие на собрании партийной организации при одном из сельских советов Сereжинского района 17 апреля 1942 г. предлагали «учесть ошибки, допущенные в период весеннего сева», «перестроить работу в период уборочной», особое внимание обратить на оборонные работы, ускорить процесс сбора финансовых платежей и т. д., чтобы осуществить приказ главнокомандующего Сталина и сделать 1942 г. годом «окончательного разгрома фашистской чумы»⁶⁹.

Из действующей армии также приходили письма с выражением уверенности в скорой победе. Военнослужащий И.П. Паньков 1 марта 1942 г. в послании своему институтскому преподавателю написал: «Думаю [...] что война в этом году закончится, и непременно нашей победой». Через три месяца в июне он повторяет: «В этот год нам надлежит нанести окончательное поражение немцам. Таков [...] приказ товарища Сталина...»⁷⁰ Схожие мысли встречались в письмах калининцев, оказавшихся в эвакуации: «... хочется верить, что конец войны не за горами и естественно начинаешь строить планы на будущее»⁷¹.

Между тем часть населения не верила в возможность одолеть врага в ближайшем будущем, указывая прежде всего на слабую боеспособность Красной Армии по сравнению с вермахтом, которая обнаружилась в первые месяцы войны и не была преодолена к 1942 г. В начале 1942 г. колхозный бригадир из Новоторж-

⁶³ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 570. Оп. 2. Д. 147. Л. 11.

⁶⁴ ТЦДНИ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 604. Л. 44; Девушка из Кашина... С. 71.

⁶⁵ ГАТО. Ф. 2691. Оп. 1. Д. 327. Л. 4, 5.

⁶⁶ Вараксов Н.М. Дымные зори. Калинин, 1982. С. 29.

⁶⁷ Девушка из Кашина... С. 61.

⁶⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 29075-с. Л. 9, 10, 12, 13.

⁶⁹ ТЦДНИ. Ф. 6242. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁷⁰ ГАТО. Ф. 2691. Оп. 1. Д. 12. Л. 1, 3 об.

⁷¹ Там же. Д. 328. Л. 6.

ского района напомнил: «... большевики говорили, что в стране имеется запас хлеба на десять лет, а уже теперь Красная Армия стала голодать, как видно, запасов нет»⁷². Звучавшие иногда прогнозы о проигрыше советских войск подтверждались ссылками на плохую технику и то, что красноармейцев не кормят, «а питают только политикой да немецкой кониной»⁷³. Разговоры о голодавших красноармейцах не прекращались до конца 1942 г.⁷⁴ В апреле 1942 г. преподаватель Калининского пединститута, эвакуировавшийся в Ярославль, выразил свой пессимизм в словах: «... вообще в нашей армии дезорганизация, тогда как у немцев всё лучше, они берут силой и организованностью»⁷⁵. В районах Калининской области, недавно полностью или частично освобождённых от оккупации, весной 1942 г. допускали возможность возвращения немцев⁷⁶.

Надежды на скорое окончание войны вспыхнули с новой силой после подписания 26 мая 1942 г. договора между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и её союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. 11 июня подобное соглашение подписали СССР и США, а 12 июня было опубликовано советско-британское и советско-американское коммюнике об открытии второго фронта в Европе в 1942 г. Названные документы повсеместно обсуждались на митингах, собраниях, и сохранившиеся докладные записки сотрудников НКВД показывают реакцию калининцев на эти события.

Многие жители Калининской области расценили соглашения как безусловную победу советской дипломатии и советских руководителей, сумевших «и англичанину и американцу все доказать и заставить думать и делать по-нашему», убедить в превосходстве советского строя: «Россия пример для всей Европы, всего мира. Наша власть пример всему миру, это теперь признали все»⁷⁷. В выступлениях на митингах и разговорах между собой люди желали, чтобы второй фронт открылся как можно быстрее, и тогда станет намного легче, придет «карачун немцу», «несомненно победа будет за нами и 1942 год будет годом разгрома противника»⁷⁸. Воодушевление рабочих выливалось в принятие новых обязательств, обещании работать «не покладая рук», «не жалея своих сил, чтобы дать Красной Армии все, что необходимо для выполнения приказа товарища Сталина о разгроме немецких бандитов в 1942 году»⁷⁹.

Но вслед за положительными откликами раздавалось немало негативных замечаний. В частности, угадывая истинные причины громкого шума вокруг принятых обязательств, рабочие говорили, что «это все красная пропаганда... это всё делается исключительно для поддержания бодрости в наших голодных боях»⁸⁰. Нашлись и те, кто высказывал сомнения в результативности официальных обещаний: «Решили открыть второй фронт, а пока что мы воюем одни. Сталин дал при-

⁷² ТЦДНИ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 604. Л. 43, 44.

⁷³ Там же. Л. 44.

⁷⁴ Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 345. Л. 2; Д. 351. Л. 234 об.

⁷⁵ Там же. Д. 2750. Л. 30.

⁷⁶ Там же. Д. 80. Л. 34.

⁷⁷ Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 345. Л. 20.

⁷⁸ Там же. Л. 18, 19, 20.

⁷⁹ Там же. Д. 80. Л. 89, 91, 93.

⁸⁰ Там же. Д. 345. Л. 22.

каз закончить войну в 1942 году, но я с уверенностью скажу, что в этом году конца войны не будет»⁸¹.

Обсуждение соглашений с союзниками происходило на фоне известий о трагедии советских войск под Харьковом и значительном продвижении войск противника на южном направлении. Неутешительные новости с передовой и недоверие к союзникам, медлившим с открытием второго фронта, предопределили появление таких прогнозов, как у рабочего восстановительного отряда станции Медведово: «До создания второго фронта, Гитлер во что бы то ни стало добьётся успеха на фронтах. Валдай разбомбили, в Крыму взял инициативу в свои руки, стремясь закончить быстро, чего не удалось ему в 1941 году»⁸².

Успехи немецких войск на юге живо напомнили стремительное наступление противника летом 1941 г., к чему тогда население оказалось психологически не готовым. Опасаясь повторения событий первого года войны, люди вновь принимались анализировать причины происходившего. Рассуждения снова сводились к признанию неэффективности советского руководства, которая проявилась, в частности, в заключении вышеозначенных соглашений с союзниками, не слишком выгодных для СССР в военном и экономическом отношении.

Судя по документам, в 1942 г. участились критические замечания в адрес И.В. Сталина. Так, его приказ от 1 мая 1942 г. получил следующий отзыв: «Приказ бесцветный и бессодержательный, ни одной свежей мысли»⁸³. Главу государства сравнивали с Гитлером, а также с прославленными полководцами прошлого, и далеко не всегда результаты подобных сопоставлений оказывались в его пользу. По словам преподавательницы музыки из Калинина выходило, что «настоящие полководцы, вершители исхода войны как Кутузов, Суворов, Невский и другие сами с солдатами лазали по горам, делили участь солдатской жизни, а он в кабинете только приказы подписывает»⁸⁴. Весной 1942 г. после пережитых потрясений оккупации 58-летняя жительница Новоторжского района обвинила главу государства в том, что он «закрылся в подвал, у него всё есть, он не сидит на восьмушке хлеба», присовокупив: «... при Николае царе народ не умирал с голоду»⁸⁵.

В 1942 г. особенно бедственное положение сложилось во многих семьях военнослужащих. Некоторым не дали карточки на продукты, другие, имея карточки и удостоверения, ничего не получали на них. Обменяв все вещи, не имея денежных средств, люди не видели возможности прокормить себя и детей. В письмах родным на фронт, конфискованных военной цензурой во второй половине июня 1942 г., женщины описывали своё тяжёлое моральное состояние, которое можно проиллюстрировать следующим отрывком: «Сейчас у меня только одно желание, скорее бы умерли дети, лучше пережить один раз их смерть, чем смотреть на их муки каждый день, я не перенесу всего этого»⁸⁶. Такое же крайнее отчаяние и обиды на представителей власти, озабоченных лишь собственным благополучием и отказывающим людям в помощи, содержались в письмах из целого ряда районов Калининской области.

⁸¹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 345. Л. 22.

⁸² Там же. Л. 23.

⁸³ Там же. Д. 2750. Л. 30.

⁸⁴ Там же. Д. 345. Л. 21.

⁸⁵ Там же. Ф. 431. Оп. 1. Д. 604. Л. 47.

⁸⁶ Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 345. Л. 35.

Недовольство действиями власти, присутствовавшее среди колхозников, в определённой мере было вызвано постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Постановление было принято 13 апреля 1942 г., но отрицательная реакция на его действие в полной мере проявилась летом, в разгар сельскохозяйственных работ. Шли разговоры, что на заработанные трудодни выдадут только по 400 гр. хлеба. К тому же нормы выработки повсеместно оказались завышенными, из-за чего оплата представлялась неадекватно низкой. Некоторые отказывались выйти на работу со ссылкой на то, что «в нынешнем году в колхозе работать не нужно, так как работаем бесплатно, ничего не заплатят». В сложившейся ситуации люди рассуждали так: «Всё равно ничего из колхозов не достанется, я буду на своём огороде работать, с огорода я больше получу, чем в колхозе»⁸⁷. Раздражало колхозников стремление государства забрать из хозяйств весь урожай сена, зерна, овощей, практически ничего не оставив на местах⁸⁸.

Отношение значительной части сельского населения к коллективным хозяйствам в целом характеризуют слова рабочего из Юрковской МТС Калязинского района, прозвучавшие в июле 1942 г.: «Все колхозники недовольны колхозами, обойдите всех колхозников и все скажут, что им колхозы не нужны»⁸⁹. Интересно, что и в середине лета 1942 г., из-за отсутствия ободряющих новостей с фронта, даже в восточных районах области у отдельных жителей сохранялась надежда на изменение к лучшему условий жизни в деревне при новой власти. Об этом свидетельствует высказывание жительницы д. Новое село Бежецкого района: «Вы и верите, что наши победят? Нет, этого не добиться. Хоть работай, хоть не работай, а при этой власти есть нечего»⁹⁰.

Аналогичные настроения демонстрировали некоторые рабочие и служащие, направленные летом 1942 г. помогать колхозникам в уборке урожая согласно постановлению «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» от 13 апреля того же года. Тяжёлыми условиями труда, нехваткой продуктов вызваны следующие слова, прозвучавшие среди мобилизованных рабочих в Бежецком районе в июле 1942 г.: «Работать – работай, а платят мало, есть ничего не дают. Скорее бы кончалась война, и немец победил, хуже не будет, чем живём мы сейчас»⁹¹.

Анализ источников показывает, что в рассматриваемый период гораздо больше нареканий, чем колхозы, вызывала налоговая система. Население воспринимало налоги как очень тяжёлое, временами непосильное бремя⁹². Очевидно, что отрицательное отношение к разного рода государственным сборам существовало на территории всей Калининской области. Но в отдельных местностях оно эпизодически перерастало в массовые протестные заявления. Например, в июле 1942 г. известие о плане по обязательным поставкам мяса, молока, яиц и денежных платежей вызвало негодование у жителей районов, побывавших под оккупацией и освобождённых несколько месяцев назад. Колхозница из д. Исаевские Горки Емель-

⁸⁷ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 345. Л. 13, 94 об.

⁸⁸ Там же. Л. 115.

⁸⁹ Там же. Л. 102.

⁹⁰ Там же. Л. 114.

⁹¹ Там же. Л. 128.

⁹² Социальные аспекты изучения Великой Отечественной войны... С. 201.

яновского района публично возмутилась: «Как не стыдно Советской власти брать с нас денежный налог, мясо, молоко и яйца, где мы их возьмём»⁹³. В части районов было нарушено снабжение хлебом, и голодавшие люди прямо упрекали власть: «Как хлеба – так не дождёшься когда дадут, а с нас выжимают последние несчастные копейки. Мы ждём от них помощи, а они нас разоряют [...] Несчастные вредители знают, что у колхозников осталась только одна шкура и её хотят содрать»⁹⁴.

Признавая, что «помогать, правда, Советской власти надо», женщины считали, что уже выполнили свой долг, вырастив и отправив на фронт сыновей, оставшись без мужчин вести хозяйство. Кроме того, сомнения выражались в том, насколько правильно распоряжаются финансовыми ресурсами: «Вот только и ходят за деньгами, надо нам помогать погорельцам, а государство с нас берёт. Говорят, что деньги идут на оборону, для фронта, а немец снова к нам приближается»⁹⁵. Разочарованные тем, что «войне и конца не видно», жители задумывались об эффективности использования собранных с них средств, а также об эффективности власти в целом: «... им бы только хвастать, а на деле провалили весь Союз»⁹⁶. Недовольство налогами было столь велико, что у некоторых подпитывало надежды на немцев, которые их снизят. Жительница одной из деревень Новоторжского района при подписке на очередной заём возмутилась: «Советская власть меня ободрала налогами – налог за налогом, военный, самообложение. Лучше бы германец пришел»⁹⁷.

16 декабря 1942 г. в Калинин отмечалась годовщина освобождения города от оккупантов. Зафиксированные в документах высказывания калининцев – как пришедших на митинг, так и намеренно проигнорировавших это мероприятие – выявляют гамму мыслей, чувств и оценок, присутствовавших в сознании жителей. Остались дома те, кто устал слушать «сказки о героизме наших при взятии города»⁹⁸. Участники митинга говорили о том, как много успели восстановить за прошедший год, часто добавляя, что предстоит сделать ещё больше. В каждом выступлении с горечью и болью вспоминали о зверствах оккупантов, часть из которых обнаружилась во время восстановительных работ, и заканчивали призывом к мщению. Общей настрой горожан сводился к мысли, что главная задача, ради которой можно вытерпеть все трудности – это изгнание врага с территории области и СССР в целом.

Тот факт, что в течение 1942 г. немцы не вернулись в Калинин, а также ободряющие известия об успехах советских войск на южном направлении способствовали моральному подъёму и укреплению уверенности в приближении победы. Основания для оптимизма виделись в следующем: «... ведь в прошлом году мы против немцев были слабее, чем сейчас. Теперь если учесть наши возможности, да помощь союзников и русскую зиму, то очевидно скоро придётся услышать об освобождении ряда городов не только нашей, но и соседних областей...»⁹⁹ Примечательно рассуждение жительницы Калинина, двое сыновей которой погибли в

⁹³ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 351. Л. 6.

⁹⁴ Там же. Д. 345. Л. 76.

⁹⁵ Там же. Д. 351. Л. 6 об.

⁹⁶ Там же. Д. 345. Л. 76.

⁹⁷ Там же. Ф. 431. Оп. 1. Д. 604. Л. 22.

⁹⁸ Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 351. Л. 234.

⁹⁹ Там же. Л. 233.

боях за Ржев. В беседе с соседями она назвала главную причину проигрыша немцев. По её мнению, сыновья защищали советскую власть, так как при ней получили высшее образование, стали лётчиком и инженером, что до революции было совершенно невозможно. Заметив, что семей, которым советская власть дала новые жизненные перспективы, много, она делала вывод о неспособности немцев победить СССР¹⁰⁰.

Таким образом, настроения населения Калининской области в начальный период войны нельзя расценивать как однопорядковые. Для большинства известие о нападении Германии оказалось неожиданным, и они испытывали тревогу, растерянность, страх и разочарование. Но патриотический порыв, выразившийся в желании защитить страну, дать достойный отпор противнику и уберечь от бед своих близких, оказался сильнее эмоций. Воспринимая войну как величайшее бедствие, жители не сразу смогли верно оценить её масштаб и «рассчитать» длительность. Понимание ситуации приходило постепенно. В создавшемся положении, когда Калининская область уже в начале июля 1941 г. стала прифронтовой, а угроза скорой оккупации ощущалась всеми, высказывались критические оценки в отношении советского режима. Носителями негативных настроений часто были пострадавшие от советской власти в предшествующие годы, а также критически настроенные сельские жители, представители интеллигенции.

Массовые настроения всецело зависели от развития событий на передовой, воздействия пропаганды. Отношение отдельных людей к происходившему в значительной степени зависело от возраста, социального положения и тех конкретных обстоятельств и условий жизни, в которые попадал человек.

Литература:

- Баюшкин В.М.* Возвратились мы не все... Тверь, 1998.
- Вараксов Н.М.* Дымные зори. Калинин, 1982. С. 29.
- Ермолов И.Г.* Коллаборационизм в сфере управления на оккупированных территориях СССР // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008. Вып. 2.
- Журавский Л.С.* Воспоминания хирурга медсанбата о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Тверь, 2000.
- Зима В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М., 2000.
- Кашикова В.Ф.* Голоса из тревожного детства: Прифронтовой Торжок. Тверь, 2003.
- Козлов Н.Д.* Морально-политический фактор Великой Победы. Л., 1985.
- Козлов Н.Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995.
- Сапожников М.И.* Дороги жизни. Тверь, 2007.
- Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
- Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4.
- Соколов Б.В.* Цена Победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991.
- Соколов Б.В.* Тайны Второй мировой войны. М., 2002

¹⁰⁰ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 351. Л. 233об.

Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002.

Тяпина К.И. На той войне... Записки партизанской разведчицы. Тверь, 1997.

L.A. Bolokina

**COMMUNITY SPIRIT IN KALININ REGION AT THE BEGINNING
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Summary

The article is devoted to the analysis of the community spirit in Kalinin region in 1941 and at the beginning of 1942. The article reveals the presence of both patriotic and critical towards the Soviet power spirits and analyzes the factors influencing the developments of spirits in different social groups. Thus special attention is paid to the evolution of the community spirits.

Keywords: war, collective farms, communists, community spirits, military tailoring, Soviet power, rumours, evacuation
